

УДК 821.161.1
DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-39-52

Реальная и экзотическая Сибирь в повести Всеволода Иванова «Возвращение Будды»

Е. А. Папкина

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Москва, Россия*

Аннотация

Рассматриваются два образа Сибири, созданных в повести Вс. Иванова «Возвращение Будды». В описании Сибири периода Гражданской войны автором подчеркнуты страшные реалии. Другая, «экзотическая» Сибирь – это часть огромного, загадочного Востока, мира высокого духа, подвижничества, веры и обретенной человеком свободы, который создается писателем благодаря включенным в повесть текстам легенды и эпиграфов. Выявлены реальные источники этих текстов Иванова. Мысль Иванова о том, что именно Восток является средоточием духовности и культуры, рассматривается в статье в историческом, политическом и биографическом контекстах начала 1920-х гг.

Ключевые слова

Всеволод Иванов, «Возвращение Будды», реальная и экзотическая Сибирь, источники текстов, контексты

Для цитирования

Папкина Е. А. Реальная и экзотическая Сибирь в повести Всеволода Иванова «Возвращение Будды» // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 39–52. DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-39-52

Real and Exotic Siberia in Vsevolod Ivanov's Story "The Return of the Buddha"

E. A. Papkina

*A. M. Gorky Institute of World Literature RAS
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The article examines two opposing images of Siberia, created in the story of Vsevolod Ivanov "The Return of the Buddha". It is noted that the main feature of the writer's works of the early 1920s critics both at home and abroad called it "the discovery of Siberia", while emphasizing that "East and Asia prevail in Vsevolod Ivanov's Siberia" (A. Voronsky). In the story "The Return of the Buddha" in the description of Siberia during the Civil War the terrible realities are emphasized: destruction, insurrections, famine, cruelty both on the part of the white guards and on the part of the Reds, against the background of which the representatives of the

© Е. А. Папкина, 2020

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2020, no. 2

Soviet power are very ironically given. Exotic Siberia has different, extended spatio-temporal boundaries and includes the legend of the 300th awakening of the Buddha, told to the hero of the story by the Mongol Dava-Dorzhchi, as well as the verses of Chinese poets given in epigraphs to its chapters. The real sources of the legend texts ("Encyclopedic Dictionary" by F. A. Brockhaus and I. A. Efron) and poems of ancient Chinese poets – the scientific work of V. M. Alekseeva "Chinese poem about a poet. Stansi Sykun Tu (837–908). Translation and research with attachment of Chinese texts" (Petrograd, 1916). The author of the article shows that, despite the formal remoteness of the spatial coordinates of this exotic world from Siberia, their inextricable connection is affirmed in the story. Exotic Siberia, as the author of the article proves, is a part of the vast, mysterious East – the world of high spirit, selfless devotion, faith and freedom acquired by man. Ivanov's idea that the East, and not the West, is the focus of spirituality and culture is considered in the article in the historical, political and biographical contexts of the early 1920s. In the policy of Soviet Russia, it was at this time that a turn to the East was taking place – the preparation of elements of the Asian orientation of the world revolution. However, for Ivanov, as the author of the article shows, the East is by no means an oasis of the future communist society. His understanding of the East and West is much closer to the concepts of philosophers, authors of the books "Exodus to the East. Premissions and accomplishments. Approval of the Eurasians" (1921) and "Oswald Spengler" and "The Decline of Europe" (1922). The biographical realities of the life of the writer, who in 1921 came from his native Siberian East to the West – to Petrograd, could also contribute to the creation of a spiritualized and attractive image of Siberia in the story "The Return of the Buddha".

Keywords

Vsevolod Ivanov, "The Return of the Buddha", real and exotic Siberia, sources of texts, contexts

For citation

Papkova E. A. Real and Exotic Siberia in Vsevolod Ivanov's Story "The Return of the Buddha". *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2020, no. 2, p. 39–52. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2020-2-39-52

В самом начале 1920-х гг. Всеволод Иванов вступил в большую литературу. Его сразу ждал успех. В 1922–1923 гг. повести и рассказы молодого писателя издавали и читали в Советской России и за границей. В 1924 г. вышло первое собрание сочинений – пока в двух томах.

Главной особенностью произведений Иванова критики и на родине, и за рубежом единодушно признали его «открытие Сибири». «...О сказочной яви поэт он нам, – восхищался В. Львов-Рогачевский, – и впервые читатели почувствовали Сибирь, и впервые Сибирь дождалась своей эпопеи...» [Львов-Рогачевский, 1922, с. 159]. Один из ведущих советских критиков А. К. Воронский в 1924 г., сравнивая произведения молодых писателей-сибиряков, отмечал: «...у Всеволода Иванова Сибирь экзотична. О ней и людях ее читаешь, как об Австралии. В Сибири Всеволода Иванова преобладает Восток, Азия, сопки, пески, степи, ковыль, его Сибирь глядит узкими раскосыми глазами, у нее желтое лицо, крепкие выделяющиеся скулы. Она разноцветная и пестрая, дикая и первобытная, приключенческая и романтическая» [Воронский, 1987, с. 258].

Далеко не все, особенно не все сибиряки, принимали такую художественную манеру. Современник Иванова известный сибирский писатель В. Зазубрин не без иронии отмечал: «Всеволод Иванов из Сибири вывез целые пушные сокровища. В Москве он из вывезенного нашел себе таких шуб, что сибиряк, встречаясь

с ним, только руками разводит. Люди же российские, и притом не искусственные по части этнографии, ему верят безоговорочно, верят, что в Сибири только такие шубы и носят. Не будем и мы опровергать своего земляка. Ведь то, что считается недопустимым в этнографии, допускается в литературе. На этот счет придуманы даже специальные оправдательные термины – экзотика, романтика и т. д.» [Зазубрин, 1927, с. 203].

К числу первых повестей Иванова относится и стоящая несколько особняком в его творчестве повесть «Возвращение Будды». Написанная в самом конце 1922 или в самом начале следующего года, повесть публиковалась в отрывках уже с февраля 1923 г. в журналах Петрограда и Москвы: «Жизнь искусства» (Пг., 1923, 23 февр., под заглавием «Он в Семипалатинске»), «Красная нива» (М., 1923, № 4, под заглавием «Металл, распространяющий и благоухающий спокойствием»), «Литературный еженедельник» (Пг., 1923, № 4, под заглавием «Возвращение Будды. Глава из повести»; № 6, под заглавием «Возвращение Будды. Отрывок из повести»). Впервые полностью напечатана в художественном альманахе «Наши достижения» (М.; Пг., 1923, № 3). Первое отдельное издание вышло в Берлине в 1923 г.

Об истории создания повести Иванов рассказывал по-разному. Вечером 31 декабря 1946 г. вспоминал в дневнике: «О Коране Османа я услышал впервые в 1923–24 году от библиотекаря Гребенщикова, бородастого собирателя книг и гравюр, работавшего в Публичной библиотеке. <...> Гребенщиков сказал мне, что Коран отправили в 1919 году в Среднюю Азию, чтобы привлечь мусульман на нашу сторону. Затем где-то я прочел, что Коран был похищен – было нападение на поезд в степи, и Коран раздали по листочку, разбойникам. / Я захотел написать об этом повесть. Но если написать о Коране, то будет слишком фотографично... так возникло “Возвращение Будды”. А. Воронскому повесть не понравилась, он ее напечатал в каком-то альманахе и не стал печатать в “Красной нови” – считая эту повесть слабой. Я ему поверил, но все же издал повесть отдельно» [Иванов, 2001, с. 366]. Даты в этой записи, очевидно, сдвинуты, история Корана Османа могла быть рассказана Иванову Гребенщиковым не позднее января 1923 г. Здесь же Иванов приводит и один из откликов на свое произведение: «Повесть затем, позже, была переведена на польский, и помню, К. Радек сказал мне как-то: “Вы, Всеволод, написали плохую контрреволюционную книжку. Я читал ее по-польски”. Это и было “Возвращение Будды”. Я не понял Радека, я не понимаю его слов и сейчас. Чего в повести контрреволюционного? Политика есть политика, и профессор, который везет Будду, понимает это, хотя и смутно. Жаль, что написано сжато, надо было написать роман, но я побоялся, что роман выйдет экзотическим, так как у меня не хватало ни мыслей, ни наблюдений: я не был в Монголии и монголов видел только на перронах железных дорог. Повесть успеха не имела» [Там же, с. 367]. Другой вариант замысла «Возвращения Будды» изложен Ивановым в автобиографическом произведении «История моих книг» (1957): «В 1921 году, бродя по окраинам Петрограда, я наткнулся на буддийский храм, о существовании которого никогда и не подозревал. Двери храма были открыты. Я вошел. Стены храма были белые, алые ломаные орнаменты оттеняли эту белизну, и мягко, матово сияла среди этой белизны большая золоченая статуя Будды. Три монгола в солдатских шинелях и бараньих шапках, скрестив ноги, сидели неподвижно перед статуей. <...> Я сел у дверей на табуретку. Сидел я час, два

и, быть может, три. <...> Затем, когда я устал и в глазах зарябило, а рот пересох, мне это ожидание показалось смешным и наивным. Я ушел. / Собственно ничего не произошло, а монголы просто-напросто, наверное, сидели в надежде, что какой-то их знакомый принесет хлеб или мясо, которые пошел добывать на рынок, но мне это сидение в буддийском храме запомнилось. / В Батуми собрался съезд этнографов. Я встретил на улице писателя В. Тана-Богораз, который затащил меня на этот съезд. Здесь он познакомил меня с этнографом монголов. Лицо его показалось мне знакомым. / – А не видел ли я вас года два-три тому назад в буддийском храме в Петрограде? – спросил я. / – Возможно, – ответил монгол, – я бывал там не однажды: ламы через меня хотели выхлопотать разрешение на отправку в Монголию ценной, по их мнению, буддийской статуи, а я в обмен за хлопоты записывал с их слов монгольские сказки». В разговор вмешался Тан-Богораз: «Как бы с вашей статуей не произошло того, что произошло с Кораном Османа?» – и рассказал ту же историю, которая записана в дневнике Иванова со слов Гребенщикова. Монгол признался, что «слышал другой вариант этой истории. <...> а если есть два варианта, значит вообще вся эта история сомнительна». «То, что сомнительно для истории, то бывает порой несомненным для беллетристики, – резюмировал Иванов. – Так возникла повесть “Возвращение Будды”» [Иванов, 1958, с. 72–74]. Из истории Корана Османа в повесть попала фамилия генерала Кауфмана: он якобы вывез из монгольского ламаистского монастыря статую Будды; в реальности в 1868 г. русские войска под командованием генерала фон Кауфмана захватили Самарканд, где хранился Священный Коран, и ставший губернатором Туркестанского края Кауфман приказал отправить его в Санкт-Петербург. При редактировании повести в 1927 г. автор изменил фамилию Кауфман на Савицкий (девичья фамилия матери Иванова и один из его псевдонимов).

Действие повести начинается в Петрограде в ноябре 1918 г.: дата 16 ноября стоит под документом, требующим от героя «немедленно пожаловать на совещание экспертов» [Иванов, 1924, с. 12]¹ в Наркомат просвещения. Далее сюжет разворачивается главным образом вокруг поездки профессора Сафонова со статуей Будды по территории Сибири к границам Монголии, действие доходит до Семипалатинска, откуда профессор и Будда отправляются в степь – в свое последнее путешествие. Таким образом, начиная с главы 3 описывается дорога в южную Сибирь и собственно Сибирь.

И здесь мы сталкиваемся с весьма характерным для произведений Иванова о Гражданской войне смещением и одновременным наложением событий разных лет. Так, экспедиция со статуей Будды должна по логике проезжать Сибирь и Омск где-то в конце 1918 г., когда в Омске и во всей Сибири у власти уже находится А. В. Колчак. Однако мы видим там Советскую власть и реалии весны – начала лета 1918 г. с отдельными штрихами весны 1920 г. Поэтому автору логичнее было бы отправить экспедицию в Монголию не в конце 1918, а годом ранее, в конце 1917 г., или же вообще весной 1918 г.² Таким образом, казалось бы реальная Сибирь в повести с самого начала является нереальной.

После выхода повести критик Я. Браун хотя и не обратил внимания на несогласованность времени ее действия и недавних исторических событий, но в целом

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием страниц.

² Отмечено профессором ОмПГУ, д-ром ист. наук А. А. Штырбулом.

приписал Иванову «писательский произвол силою в двести атмосфер» [Браун, 1923, с. 175]. Причину такого авторского «произвола» назвать трудно. Рискнем лишь высказать предположение, что для воплощения художественного замысла Иванову нужна была достаточно условная ситуация, при которой профессор Сафонов мог беспрепятственно ехать по территории Сибири на Восток.

Представители Советской власти в Сибири, как, впрочем, и в Петрограде, показаны Ивановым с большой долей иронии. Политрук экспедиции товарищ Анисимов, «всегда точно бежит в гору: потен; треплется размотанный шарф, и широко-веселы, как весенняя крыша, валенки» (с. 18). По сюжету он должен сопровождать Будду до Вятки, однако по дороге, на безвестной станции, остается «повоевать», записавшись в «питерский отряд коммунистов» (с. 31). На сортировочной в Омске экспедицию не пропускают на Дальний Восток и в Маньчжурию, где разворачиваются «белогвардейские восстания», и некий комендант, портрет которого отсутствует в тексте, обращается к «товарищам»: «Мы не имеем времени отправлять какие-то экспедиции с буддами... а если у вас там в буддах-то эсеровские воззвания...» (с. 50). Другой комендант, на станции Семипалатинск, имеет «на борту тужурки красный бант, а лицо серое и прямое, как ведомость», «мозги у коменданта словно занесены песком» (с. 59), помощник его «низенький человек с неимоверно длинными черными усами» (с. 60). Эти почти гоголевские персонажи спорят о правильности петербургских подписей и вместе со сбежавшими «барышнями», которые «с визгом, щипая в восторге друг друга, прыгая, мелко, бисерно, с продергом, хохочут», вовсе не понимают профессора и не оказывают ему никакой помощи: «Бу-у-удду! Бога!.. Черти!.. Перуна на-ам!.. Хо-хо-хо!..» (с. 60). Комические эпизоды с представителями Советской власти даются на фоне страшных реалий Гражданской войны в Сибири, которые более всего представлены в мыслях Сафонова: «Профессор думает о колоколах, станциях, о том, что мертвых хоронят теперь без гробов: у мертвых скрюченные руки, и они сильно упираются в землю, земля же мерзнет все сильнее, не пускает трупы, а их много – эпидемия, мор, голод» (с. 35) – и в его словах: «Будет же что-нибудь выдвинуто в противовес этой неорганизованной тьме, этому мраку и буре. Неужели же кровь и смерть? Неужели такое же убийство, как и у них? Генералы будут расстреливать, вешать, грабить коммунистов!.. Коммунисты будут восставать и расстреливать генералов, и колокола будут звонить все меньше и меньше, буфера вагонов занесет снег...» (с. 36). Авторские характеристики Гражданской войны выдержаны в другом, более образном ключе: «Поезда пропускали грохочущие и звенящие дни. Доски, железо и люди мчатся вперед. У синих льдов одинокие волки, тупо задрав молодые морды, воют на поющую сталь. В степи одна должна быть песня – волчья. У людей песни человечьи и железные. Волку страшно» (с. 48).

Реальная Сибирь населена мужиками, которые по-разному выживают в условиях Гражданской войны. Одни за хлеб и картошку соскребают и забирают золото со статуи Будды, другие, наоборот, боятся брать золотую проволоку и бесплатно дают профессору шаньги и картошки. Мешочники «едут на Алтай в хлебные деревни и – как вошь на морозе – мерзнут, валяются, трещат под колесами, матерятся, богохулят» (с. 59). В реальной Сибири богатые торговцы заискивают перед Советами, боятся их, но обманывают ради своей выгоды. Один из таких богачей, татарин Хизрет-Нагим-Бей, сначала дает верблюдов и арбу «смешному человеку, ве-

зущему в Монголию кусок меди» (с. 67), а затем жалеет свое имущество и догоняет профессора. От рук его помощников Сафонов умирает.

Если бы, описывая Сибирь в повести «Возвращение Будды», Иванов ограничился этим, вряд ли его упрекнули бы в романтике и экзотике. Но есть в повести другой, противостоящий первому образ Сибири, который создается с использованием совершенно иных художественных средств.

Отправиться в путь на Восток и увидеть Сибирь профессора Сафонова побуждает исполненный экзотики рассказ пришедшего к нему в петроградскую квартиру некоего монгола, по имени Дава-Дорчжи. Действие легенды, которую слушает профессор, происходит в одном из аймаков (территориальных единиц, близких губернии и уезду) Монголии, однако и сюжет легенды, и сам рассказчик тесно связаны с Сибирью.

В сущности, в тексте так и не раскрывается до конца подлинное происхождение Дава-Дорчжи. При первой встрече он представляется: «...я из аймака Тушуту-хана» (с. 8), называет себя «воплощенным Буддой» (с. 26). Однако далее профессор высказывает предположение, что Дава-Дорчжи – переодетый белый офицер, и сам он признается, что учился в «Омском кадетском» (с. 26), т. е. в Омском кадетском корпусе – старейшем и ведущем в Сибири высшем военном учебном заведении, которое было образовано в 1813 г. и одним из наиболее известных выпускников которого стал генерал Л. Г. Корнилов.

Создавая легенду о трехсотом пробуждении Будды, Иванов не жалеет красок. Загадочные названия: аймак Тушуту-Хана, город Ху-Ху-Хото, скала Дунгу-Хода, река Усуту-Голо – сменяются необычно звучащими для русского слуха именами: отшельник Цаган-лама Раши-чжамчо, его ученики Цагай-дайчи, Чахар-дайчи, Эрдени-дайчи и т. п. Известно, что в Монголии писатель не был и, как он признавался в дневнике, «монголов видел только на перронах железных дорог» [Иванов, 2001, с. 367]. Сведения о стране Иванов, работая над повестью, скорее всего, почерпнул в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (1890), который, кстати, назван среди книг, хранящихся у профессора. Некоторые имена и географические названия в повести представляют собой измененные автором реальные имена, топонимы и гидронимы, упомянутые в этом известном словаре. Так, имя Тушуту-хан – возможно, образовано от Тушету-хан, «такой титул носят потомки Абатая, внука Брэсэнцзы, владевшие центральной частью северной Монголии, или Халхи, в пределах так называемого Тушетуханского аймака» [ЭС, 1993, т. 67, с. 260]. На период рубежа XIX–XX вв. об этом аймаке в «Энциклопедическом словаре» сообщалось, что он находится «в северной Монголии, граничащей с Севера с Россией. Северная часть его представляет солонцевато-глинистые травяные степи, расположенные в глубоких горных долинах, в которых протекают рр. Селенга, Орхон и правые его притоки: Хода-сын, Тола, Хара-гол, Иро и др. <...> Центр управления аймаком – в городе Урге, где каждые три года собирается сейм местных князей. <...> Через аймак <...> проходят почтовые и торговые пути... <...> Близ западной границы аймака, на р. Орхоне, расположен известный буддийский монастырь Эрдени-цзу, построенный на развалинах монгольского Каракорума» [Там же, с. 260]. Ивановский город Ху-Ху-Хото, видимо, образован по аналогии с городом в Маньчжурии Ху-лань-чэн [Там же, т. 74, с. 775], а река Усуту-Голо содержит морфему «гол», что по-монгольски означает «река» [Там же, т. 73, с. 24].

Первая часть имени отшельника в повести, «Цаган», означает «белый», «белая»; при помощи этого слова образованы названия двух горных хребтов в Забайкальской области – Цаган-до и Цаган-хунтей, а также названия пресноводного озера в Забайкальской области – Цаган-ихе и поселка в Калмыкии, где в 1798 г. был построен Орчи-ламой первый храм в калмыцкой степи, – Цаган-Алан [ЭС, 1993, т. 74, с. 786]. Вторая часть, Раши-чжамчо, возможно, восходит к имени буддийского святителя Чжанчжа-хухухта, который «считается воплощением одного из грозных божеств-хранителей – И-дам Демчог – и проживает в Пекине» [Там же, т. 76, с. 803]. Имена учеников образованы при помощи слова «дайтъя», что обозначает «нечто вроде индийских титанов». Эти «демоны-гиганты ведут войну против богов» [Там же, 1991, т. 19, с. 37].

Детали сюжета легенды, которую рассказывает Дава-Дорчжи, также отчасти проясняются при помощи «Энциклопедического словаря». По легенде Иванова, благочестивый отшельник, «сотворив умеренное количество чудес в городе, ушел в горы», там он «проводил время, постоянно читая номы, помогая людям изучать правила буддизма и ревнуя о совершенствовании своего духа». Ради «испрошения блага» для «всех одушевленных существ» в «год Красноватого Зайца» он замуровал себя в скалу и «в этом положении прожил семь лет, претерпевая свой трудный подвиг». Размурав после смерти отшельника его келью, ученики нашли не останки отшельника, «они обрели там бронзовую золоченую статую – бурхан Сиддарты <так в тексте. – Е. П.> Гаутамы, прозванного Буддой... Так совершилось трехсотое пробуждение на земле высочайшего ламы Сакья, вечного спасителя существ и подателя всякой добродетели» (с. 9).

Называя «год Красноватого зайца», автор, очевидно, имеет в виду китайский двенадцатилетний календарный цикл, который включает в себя Год огненного зайца (кролика). Вся легенда отсылает к религиозным представлениям монголов, у которых распространено название «Хубилган» – его «монголы дают некоторым из своих высших духовных лиц, считающихся перерожденцами или воплощениями каких-либо прославившихся своею благотворною деятельностью на пользу буддизма лам. В северной Монголии или Халхе насчитывается до 118 хубилганов, в южной их еще более. Главным из них считается проживающий в Урге Чжибцун-дамба-хухухта, признаваемый воплощением знаменитого проповедника буддизма в Индии и Тибете Даралаты (1573–1635)» [ЭС, 1993, т. 74, с. 762]. Оттуда же, из словаря, Иванов, скорее всего, взял слово «гыген»: «Ху-тухта (монгольское слово “святой”) – один из титулов, который жалуются буддийским хубилганам, или перерожденцам китайских императоров, преимущественно за усердную деятельность на пользу буддизма, тогда как другой титул – гэгэн (светлый, блестящий) жалуются обыкновенно за гражданские доблести» [Там же, с. 781]. В повести Дава-Дорчжи называет себя «гыгеном», хотя мог бы именовать и хубилганом, так как, по его словам, его собственная жизнь, как и жизнь упоминаемого им отшельника, являет собой следующий после перерождения этап.

Казалось бы, в легенде представлена вовсе не Сибирь, а Монголия. Однако страна рассказываемой Дава-Дорчжи легенды начинается уже в Сибири, о чем герой упоминает в теплушке поезда, следующего на восток: «К тем дням мы будем в Сибири, там много почитателей моего перевоплощения, и я склонен надеяться на пищу, питье и достойные меня благочестивые разговоры» (с. 44–45).

Образ «экзотической Сибири» создается в «Возвращении Будды» и при помощи эпиграфов, ими Иванов щедро снабжает главы произведения, которые и сами по себе имеют развернутые заглавия. Показательно, что названия глав преимущественно рассказывают о реальных событиях в Петрограде и Сибири, а эпиграфы, кроме одного, к главе шестой, представляют собой цитаты из произведений древних китайских поэтов, древних сказаний или надписей на камнях. Например, глава первая называется «История мытья посуды и рассказ Дава-Дорчжи о трехсотом пробуждении Сидарты Гаутамы, прозванного Буддой» и имеет эпиграф: «...Один Будда являлся в бесчисленных видах и в каждом из бесчисленных видов является один Будда». (Камень, поставленный близ Пекина 1323 года 10 числа Третьей Луны)» (с. 7). К главе второй «Вязаные изделия, некоторые речи об археологических изысканиях и о российской Красной армии» дается такой эпиграф: «...Важные пути тем дальше, чем укромное шествие становится медлительней». (Сыкун-Ту)» (с. 13). Цитата представляет собой неточные строки из «Стансов» китайского поэта Сыкун Ту (837–908): «Важные пути – тем дальше; / Укромное шествие становится медлительнее» (Станс XIV) [Алексеев, 2008, с. 293]. Третья глава «Мундиры итальянцев и французов, павлиньи хвосты, а также разговор о клозете великого князя Сергея Михайловича» открывается эпиграфом: «“Мысль живет раньше кисти. / Очарование пребывает вне картины. / Подобно звуку, гнездящемуся в струне, / Подобно дымке, делающейся туманом” (Ху-Ан-Юе “Категория картин”))» (с. 23). Эпиграф взят из поэмы «Двадцать четыре категории картин» китайского поэта и художника Хуана Юэ (даты жизни неизвестны, XVIII–XIX вв.): «Мысль живет прежде кисти, / Очарование пребывает вне картины...» (Станс 1) [Алексеев, 2008, с. 447]. Поэма написана как подражание поэме Сыкун Ту. Главе пятой «Металл, распространяющий и благоухающий спокойствием» предпосланы сразу два эпиграфа. Первый – «“Конфуций над рекой говорил: уходящее, – оно подобно этому, ведь не перестает ни днем, ни ночью” (Луи-Юй³, IX, Эб)» (с. 37), где цитируются немного измененные строки китайского поэта Лунь Юя из его книги «Изречения»: «Конфуций над рекой говорил: “Уходящее” – оно подобно этому ведь! Не перестает ни днем ни ночью» («Из Конфуция» // Лунь Юй, IX, 17). По мнению китайского ученого Чжу-си, «здесь имеются в виду космические эволюции (“метаморфозы”) Неба – земли (тянь ди чжу хуа). Таким образом, стихи все время обновляются так же, как уходящие в вечность творения природы» [Алексеев, 2008, с. 459]. Второй эпиграф тоже взят из древней китайской поэзии: «“Колокол толст, – непременно не звонок; / Ухо заложено, – непременно глухо”. (Юань-Мэй)». Иванов цитирует здесь первую строфу станса XVII «Движение в пустотах» китайского поэта XVIII в. Юань-Мэя, автора продолжения поэмы Сыкун Ту «Категории стихотворений»: «1. Колокол толст – непременно не звонок; / Ухо заложено – непременно глухо. / 2. Тысячелетней древностью не разрушаемо – / Только пустотно – воздушное» [Алексеев, 2008, с. 20, 457].

Практически все эпиграфы к «Возвращению Будды» Иванов, скорее всего, берет из издания, возможно купленного им в начале 1920-х гг. в Петрограде, – книги известного ученого В. М. Алексеева «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908). Перевод и исследование с приложением китайских текстов» (Пг., 1916). Близкой «попутчику революции» (определение Л. Троцкого) Иванову, оче-

³ Так в тексте.

видно, оказывается и личность китайского поэта, жившего в IX–X вв., в свою эпоху войн и революций, – времена распада политического единства Китая, мятежей, захвата столицы, казни лучших людей страны и гибели царского рода. Как отмечал Алексеев, Сыкун Ту было свойственно «вечное колебание между желанием служить государству <...> и желанием бежать от мира в свое горное имение, прекращая всякие счеты с прошлым, непреклонная верность династии, приведшая его к самоубийству, и полное к ней презрение как к вырождающейся и ведущей страну к гибели, <...> горделивость в отношении к людям и полное смирение наедине с самим собой» [Алексеев, 2008, с. 88].

Последней главе, седьмой, в названии которой упомянуты реальные персонажи повести: «Что думал Хизрет-Нагим-Бей и что мог бы думать красноармеец Савоська. Степь весной, суслики и (как всюду у меня) пестрые травы и ветры», – дан следующий эпиграф: «...В дымке, в дымке села далеких людей. Люблю свой дымок на пустыре. На дверях и на дворе нет мирской пыли, в пустом шалаше живет в довольстве свобода. Я долго был в клетке». (Тао – “Свой сад”») (с. 56). В скобках Иванов приводит имя китайского поэта IV и V вв. Тао Цяня. Таких в точности строк у этого автора нет, хотя подобные мотивы встречаются часто. Сыкун Ту писал о Тао, которого, очевидно, считал своим учителем и образцом личности: «У Тао [Цяня] пять ив густели перед его убогой хижинкой... К тому же он имел высокое чувство любви к “этому господину” (т. е. к бамбуку. – В. А.)... Какое другое место прибавит красоты [к этой] обстановке?.. Молодые цикады кричат в изголовье: их все время прежде всего слышу» [Алексеев, 2008, с. 19]. Мотивы свободы в уединении типичны и для поэзии самого Сыкуна Ту: «Здесь (в горной долине Чжу нтяо. – В. А.) – обстановка для смывания суеты и чистого упоения»; «Только здесь (вдали от мира, на лоне природы. – В. А.) уготовано гнездо в обители мне [по ту сторону] “пыли” [мира]»; «...3. Строю хижину под соснами; / Снимаю шапку; читаю стихи. / 4. Только знаю: утро, вечер – не различаю, какая пора. / 5. Если же удовлетворена мысль, / Зачем непременно иметь деяние? / 6. Что до той небесной свободы, / В подобном этому достигаю ее» (Станс XV) [Алексеев, 2008, с. 306]. Алексеев комментирует: «Картина, рисуемая этой строфой, наиболее полно представлена в поэзии Тао Цяня, которого Сыкун Ту, несомненно, имеет в виду повсюду» [Там же, с. 320]. В данном случае вынесенные в эпиграф к главе строки принадлежат, видимо, самому В. Иванову и сочинены им на основе текстов китайских поэтов.

Этот эпиграф сообщает о той духовной вершине, которую достигает профессор Сафонов во время своего путешествия по Сибири. О том, что личность героя повести и тексты эпиграфов связаны напрямую, свидетельствуют его слова в главе шестой, в отличие от других имеющей эпиграф: «“Жизнь человека есть продолжение его детства”. (Из записной книжки профессора Сафонова)» (с. 48). По роду своих занятий Сафонов – профессор истории литературы: «В Центральном Педагогическом Институте профессор Сафонов читает историю всемирной литературы, текущая его работа: “Как скандинавская сага отразилась на русской былине”»⁴ (с. 18). Из слов героя понятно, что только здесь, в Сибири, он смог

⁴ Отметим, что при подготовке своего собрания сочинений в 1927 г. Иванов редактирует повесть и меняет род занятий героя: здесь он профессор уголовного права. В изданиях 1950-х гг. Сафонов назван профессором истории Востока.

«прочсть мудрые строфы Сыкун-Ту или его учеников...» (с. 51), тем самым открыв для себя новое предназначение человека, новое понимание его роли в мире: «Цивилизация, наука, с ревом разрывающие землю... от пустой мысли, что являюсь одним из властителей земли... это – глупая, гордая мысль, может быть – самое важное, от нее труднее всего оторваться... Это блестящий, бесцельный, глупый колпак на голове. Укрепление же – там, подле стад и кумирен, – укрепление одной моей души будет самая великая победа, совершенная над тьмой и грохотом, что несется мимо нас – и мы с ней, по-своему, разрезая ее. Спокойствие, которое я ощущаю, все больше и больше... чтоб сердце опускалось в теплые и пахучие воды духа...» (с. 52). Профессор, как явствует из сюжета повести, не достигает ни Монголии, ни Китая, действие не выходит за пределы Сибири 1918 (условно) года, в то время как прельщающие его стихи и легенды отнесены во времени в глубокое прошлое. В настоящем же – война, восстания, грязная теплушка, мешочники, «мужики скребут мелкие – до пояса, могилы и валят туда трупы, утаптывая, чтобы больше вошло. Весной трупы растаивают, разбухают, лопаются и прут из могил. И далеко смердит земля» (с. 59). Однако страшная картина охваченной Гражданской войной Сибири не мешает герою (и автору) задавать себе вопросы, имеющие весьма косвенную связь с реальностью: «Необходимо подумать, насколько повлияла на Сибирь восточная культура. Связь между восстаниями и ею» (с. 52), – и выбрать окончательно свой жизненный путь: несмотря на все трудности и препятствия, Сафонов не собирается возвращаться в Петроград, «он обязан доехать. Он доведет Будду» (с. 58).

Созданный в повести «Возвращение Будды» образ Сибири, которую мы условно назвали «экзотической», благодаря постоянным переключкам между странами и эпохами расширяется во времени и пространстве. Эта Сибирь – часть огромного, загадочного мира Востока, куда входят и Монголия, и Китай, – мира высокого духа, подвижничества, веры и обретенной человеком свободы.

В то же время, как явствует из сюжета повести, именно после своего духовного прозрения профессор Сафонов в реальной Сибири погибает, а оскверненная статуя Будды остается в пустой степи.

Очевидно, что Иванов в повести сталкивает друг с другом и противопоставляет два образа Сибири – реальной и экзотической. Именно последний обращает взгляд читателя от разрушительного Запада (Европа «пока на Россию только – выпустила своих волков» (с. 52)) к духовному Востоку: «Двигаясь все время, не размышляя о смысле движения, Европа пришла в тьму. Восток неподвижен, и недаром символ его – лотосоподобный Будда» (с. 57–58).

Советская критика 1920-х гг. увидела в повести лишь «удешевленный (как известно, нынче уж испошленный до “чижика-пыжика”) шпенглеровский мотивчик о крушении цивилизации и банкротстве Запада...» [Браун, 1923, с. 175]. В статье Брауна, и, возможно, в повести Иванова, слышны отголоски недавних философских и политических споров. Весной в центральной печати Советской России разворачивается бурное обсуждение книги русских философов «Освальд Шпенглер и “Закат Европы”». Ф. Степун, С. Франк, Н. Бердяев, Я. Букшпан, рассматривая «центральную мысль книги Шпенглера» о цивилизации и культуре: «культура религиозна, а цивилизация – безрелигиозна», «культура национальна, а цивилизация – интернациональна», «цивилизация есть мировой город», писали: «Нас, русских, нельзя поразить этими мыслями. Мы давно уже знаем различие между куль-

турой и цивилизацией» [Освальд Шпенглер..., 1922, с. 64–65]. Книгу Шпенглера, изданную в 1917 г., русские религиозные философы комментируют в 1921-м, оценивая происходящее в пореволюционной России: «Цивилизация через империализм и через социализм должна разлиться по поверхности всей земли», которой угрожает, по Бердяеву, «цивилизованное варварство среди машин, а не среди лесов и полей». Уповать можно лишь на появление в России «нового типа культуры» [Освальд Шпенглер..., 1922, с. 69–70], противостоящего западной цивилизации. Известно, что мысли философов в 1922 г. были прочитаны как контрреволюционные, а философская дискуссия переведена в плоскость политики: 30 августа «Правда» сообщила об арестах антисоветской интеллигенции и о грядущей высылке, в конце сентября ушел «философский пароход». Не эти ли события отразились в реплике героя-интеллигента повести «Возвращение Будды»: «У меня только третьего дня... да и вчера!.. простите, забыл – были с обыском. У вас есть ордер?» (с. 7).

Можно отметить и другие исторические, политические и биографические контексты повести Иванова. Поворот к Востоку происходит во внешней политике Советской России, правда, инициаторы его имеют в виду отнюдь не духовное возрождение. «Да здравствует международная революция и раскрепощение трудящихся!» (с. 17) – кричит нарком по национальностям, обращаясь к монголам, которым Советское правительство собирается передать Будду. Отсылка к международной, или мировой, революции не случайна. Ее поддержка – неременный лозунг и атрибут политики Советской России в 1920-е гг. С 1919 г. начинается подготовка элементов «азиатской ориентации» мировой революции. 20 февраля 1919 г. заместитель наркома по иностранным делам Л. М. Карахан направляет срочное секретное письмо В. И. Ленину о необходимости пропаганды коммунистических идей на Востоке и отчитывается: «В настоящее время Народный Комиссариат по Иностранным Делах оказывает финансовую помощь китайской рабочей организации и корейскому национальному союзу. <...> от времени до времени посылаются на Дальний Восток китайские и корейские агитаторы, задачей которых является установление связи с пролетарскими демократическими организациями на Дальнем Востоке. <...> Такие же командировки предполагаются в Персию и в Индию» [Коминтерн..., 1998, с. 130–131]. Августом 1919 г. датируется известное письмо Л. Д. Троцкого в ЦК РКП(б), где он не без оснований предполагает, что «инкубационный подготовительный период революций на Западе может длиться еще весьма значительное время». «Иначе представляется положение, если мы станем лицом к Востоку», – указывает Троцкий и предлагает «открыть довольно широкие ворота в Азию» [Там же, с. 145–149]. Проходящий летом 1920 г. II Конгресс Коммунистического Интернационала принимает «Воззвание к народам Востока», вслед за тем в сентябре в Баку собирается Первый съезд народов Востока. В Монголии в 1921 г. разворачивается уникальная Национально-демократическая революция, поддержанная Советской Россией.

Однако для Иванова Восток отнюдь не оазис будущего коммунистического общества. Его понимание Востока и Запада ближе «Скифам», отчасти евразийцам, как раз в начале 1920-х гг. утверждавшим свою концепцию русской культуры, ее прошлого и будущего. В 1921 г. в Софии выходит издание, с которого начинается история евразийства, – «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев». Покупающий, как свидетельствуют письма, в Петер-

бурге книги о Востоке и Сибири Иванов мог обратить на нее внимание. Памятуя о страхе М. Горького перед поворотом России к Востоку, философ и культуролог П. Н. Савицкий задает вопрос: «Но сама Россия не есть ли уже Восток?». Доказательствами служат этнический состав, черты национального характера, своеобразие религиозной жизни: «Россия поистине является православно-мусульманской, православно-буддистской страной» [Исход к Востоку..., 1921, с. 1–2]. В предчувствии будущего Савицкий вопрошает: «...не уходит ли к Востоку богиня культуры, чья палатка столько веков была раскинута среди долин и холмов европейского запада?» [Там же, с. 3].

Укажем и на чисто биографический контекст повести Иванова. В начале 1921 г. он, исполненный надежд, приезжает в Петроград. Начинается новый период творческой биографии писателя. Новые знакомства, возможность печататься, поддержка А. М. Горького, сотрудничество с Петроградским Пролеткультом, группой «Серрапионовы братья» и многое другое радует молодого Иванова. При этом из писем этого периода другу, сибирскому писателю К. Н. Урманову, видно, что он скучает по Сибири и сибирякам, посвящает им свои произведения, сетует, что не отвечают на письма. Письма Иванова Урманову передают и настроения писателя, приехавшего с родного Востока на Запад: «Хандрю что-то и немилосердно прямо. Добро хоть наружу не вылазит. <...> Писать не хочется, Петроград скучен – камни и на камнях люди яблоками торгуют. Ни одного журнала, ни книг, и никто ни во что не верит» (23 августа 1921 г.) [Иванов, 2015, с. 323]; «Сейчас я на даче около Питера и в Сибирь все-таки (в частности на Д<альний> В<осток>) поеду. Тому много причин, одна из важнейших – огромная душевная боль» (17 июля 1922 г.) [Там же, с. 379].

В 1920-е гг. Иванов не приезжает в реальную Сибирь, но создает ее манящий, притягательный образ в своем воображении и творчестве.

Список литературы

- Алексеев В. М.* Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908): перевод и исследование с приложением китайских текстов. М.: Вост. лит., 2008. 701 с.
- Браун Я.* У синего зверюшки в лапах // Сибирские огни. 1923. № 4. С. 168–180.
- Воронский А. К.* Лидия Сейфуллина // Воронский А. К. Искусство видеть мир. Портреты. Статьи. М.: Сов. писатель, 1987. С. 257–269.
- Зазубрин В. Я.* Литературная пушнина // Сибирские огни. 1927. № 1. С. 198–213.
- Иванов Вс.* Возвращение Будды. Повесть. М.: Мосполиграф, 1924. 69 с.
- Иванов Вс.* Дневники. М.: Наследие, 2001. 490 с.
- Иванов Вс.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Худож. лит., 1958. Т. 1. 719 с.
- Иванов Вс.* Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма. Новосибирск: ИД «Свинья и сыновья», 2015. 400 с.
- Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев / П. Н. Савицкий, П. П. Сувчинский, кн. Н. С. Трубецкой, Г. Флоровский. София: Рос.-Болг. книгоизд-во, 1921. 125 с.
- Коминтерн и идея мировой революции. Документы / Сост. и автор. коммент. Я. С. Драбкин и др. М.: Наука, 1998. 947 с.

Львов-Рогачевский В. Новый Горький (Всеволод Иванов) // Современник. 1922. № 1. С. 155–169.

Освальд Шпенглер и «Закат Европы» / Н. А. Бердяев, Я. М. Букшпан, Ф. А. Степун, С. Л. Франк. М.: Берег, 1922. 95 с.

ЭС – Энциклопедический словарь / Сост. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А.: В 86 т. Репринтное воспроизведение издания 1890 г. М.: Терра, 1991. Т. 19. 480 с.; 1993. Т. 67. 482 с.; Т. 73. 478 с.; Т. 74. 965 с.; Т. 76. 960 с.

References

Alekseev V. M. Kitayskaya poema o poete. Stansy Sykun Tu: perevod i issledovanie s prilozheniem kitayskikh tekstov [Chinese poem about a poet. Stansi Sykun Tu (837–908): translation and research with the with attachment of Chinese texts]. Moscow, Oriental Literature Publ., 2008, 701 p. (in Russ.)

Brown Ya. U sinego zveryushki v lapakh [In the paws of a blue animal]. *Siberian lights*, 1923, no. 4, p. 168–180. (in Russ.)

Entsiklopedicheskiy slovar' [Encyclopedic dictionary]. Comp. F. A. Brockhaus, I. A. Efron. In 86 vols. Reprint reproduction of the 1890 ed. Moscow, Terra, 1991, vol. 19, 480 p.; 1993, vol. 67, 482 p.; vol. 73, 478 p.; vol. 74, 965 p.; vol. 76, 960 p. (in Russ.)

Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzdenie evraziytsev [Exodus to the East. Premonitions and accomplishments. Approval of the Eurasians]. P. N. Savitsky, P. P. Suvchinsky, N. S. Trubetskoy, G. Florovsky. Sofia, Russian and Bulgarian book publishing, 1921, 125 p. (in Russ.)

Ivanov Vs. Dnevnik [Diaries]. Moscow, Heritage Publ., 2001, 490 p. (in Russ.)

Ivanov Vs. Collected works. In 8 vols. Moscow, Fiction Publ., 1958, vol. 1, 719 p. (in Russ.)

Ivanov Vs. Tainoe tainykh. Rasskazy i povesti. Pis'ma [Mystery on mystery. Novels and stories. Letters]. Novosibirsk: Publishing House "Svinin and Sons", 2015. 400 p. (in Russ.)

Ivanov Vs. Vozvrashchenie Buddy. Povest' [The Return of the Buddha. The story]. Moscow, Mospoligraf Publ., 1924, 69 p. (in Russ.)

Komintern i ideya mirovoy revolutsii. Dokumenty [Comintern and the idea of world revolution. Documents]. Comp. and the author's comment. by Ya. S. Drabkin et al. Moscow, Nauka, 1998, 947 p. (in Russ.)

Lvov-Rogachevsky V. Noyy Gor'kiy (Vsevolod Ivanov) [New Gorky (Vsevolod Ivanov)]. *Sovremennik*, 1922, no. 1, p. 155–169. (in Russ.)

Osqald Spengler i "Zakat Evropy" [Oswald Spengler and "The Decline of Europe"]. N. A. Berdyaev, Ya. M. Bukshpan, F. A. Stepun, S. L. Franc. Moscow, Coast Publ., 1922, 95 p. (in Russ.)

Voronsky A. K. Lidia Seyfullina [Lydia Seifullina]. In: Voronsky A. K. Iskussvo videt' mir. Portrety. Stat'i [The art of seeing the world. Portraits. Articles]. Moscow, Soviet writer Publ., 1987, p. 257–269. (in Russ.)

Zazubrin V. Ya. Literaturnaya pushnina [Literary furs]. *Siberian lights*, 1927, no. 1, p. 198–213. (in Russ.)

Сведения об авторе

Папкина Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия)
elena.iv@bk.ru

Information about the Author

Elena A. Papkina – Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
elena.iv@bk.ru